

Recenze

podobně tu nejsou dostatečně zchyceny změny ve vnímání Ruska na Balkáně, např. mezi mladými Srby, čehož si všimli v rámci své rusologie nebo kremlologie japonští badatelé.⁴

Sborník je obtěžkaný otázkami, problémy, odborně fundovaný a především důkladně a seriózně osvětlující celý slovanský svět jako heterogenní, ale přece jen související kontinent. I to samo o sobě – nehledě na parciální výstupy – by stačilo k tomu, abychom si tento sborník pečlivě prostudovali.

Ivo Pospíšil

О ЯЗЫКОВОМ ВКУСЕ И ЯЗЫКОВОМ СЛУХЕ

Кронгауз М.: *Русский язык на грани нервного срыва*. 2-е изд., Москва.: Знак, 2009. – 232 стр. ISBN 5-9551-0176-4.

*Легкое дело – тяжело писать и говорить, но легко писать и говорить –
тяжелое дело.*
В. Ключевский

В одной из своих публичных лекций М. Кронгауз, отвечая на поставленный перед аудиторией вопрос «В чем же функция лингвиста?», подчеркнул: «В том, чтобы находить обобщения, связи и тенденции». В последние годы актуализировался вопрос о судьбе русского языка в глобализующемся мире. Прогнозы иногда пугают своей категоричностью в утверждениях об упрощении языка, об утрате его национальной неповторимости и абсолютном подчинении изменениям, обусловленным влиянием новых технологий. Профессиональный ответ на подобные вопросы, утверждения и предположения содержится в книге М. Кронгауза «Русский язык на грани нервного срыва» (в 2007 г. вышло первое издание, затем последовали переиздания, в 2012 г. книга издана под названием «Русский язык на грани нервного срыва 3D»), это под-

⁴ Siberia and the Russian Far East in the 21st Century: Partners in the Community of Asia. 1. Crossroads in Northeast Asia. Ed. by Iwashita Akihiro. Slavic Research Center, Hokkaido University, Sapporo 2005. 2. Chekhov and Sachalin. Ed. By Mochizuki Tetsuo. Beyond the Empire. Images of Russia in the Eurasian Cultural Context. Ed. By Mochizuki Tetsuo. Slavic Research Center, Hokkaido University, Sapporo 2008. Viz naši rec.: Rusko jako objekt (zejména) japonské rusistiky In: Novaja rusistika 2009, No. 2, s. 110–116.

тверждает важность темы и интерес профессионального и читательского сообщества к проблемам, освещающимся в книге).

М. А. Кронгауз – доктор наук, профессор, директор московского Института лингвистики РГГУ, автор книг «Семиотика, или Алфавит общения» (в соавторстве с Г. Е. Крейдлиным – 2004 г.), «Семантика» (учебник для студентов лингвистических факультетов – 2005 г.), постоянный участник академических и общественных дискуссий о современных процессах, происходящих в русском языке. Его статьи (о попытках реформировать орфографию, об изменениях в русском речевом этикете, о влиянии масс-медиа на состояние языка и коммуникации, «об официальных» иностранных вариантах русского языка и др.) печатались на страницах периодической печати, в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Отечественные записки», «Власть», где он, по его собственным словам, «выступал с позиции просвещенного лингвиста» или обывателя (употребляя это слово без отрицательных коннотаций).

Ученый внимательно следит за изменениями в лексическом составе современного русского языка, отмечает утрату слов, еще совсем недавно находящихся в активном употреблении («получка», «посиделки», «междусобойчик», «пишущая машинка», «чаевничать», «задрипанный», «отнюдь» и др.), размышляет о причинах их ухода из активного словаря, отмечает «возрождение» слов, когда-то перешедших в ряд архаизмов, появление у них новых значений, фиксирует «поток слов», обозначающих актуальные профессии, и словесные игры спортивных комментаторов, говорит о словах-паразитах, их роли и о «паразитическом» употреблении «нормальных русских слов» (типа и как бы и др. – с. 39–43), объясняет лексические эксперименты в интернете, «анти-орфографию» интернета, изменения в синтаксическом строе и др.

«Русский язык на грани нервного срыва» отражает наблюдения исследователя за процессами, происходящими в языке в очень непростой период социальных сдвигов, стремительных технологических изменений.

Автор избирает роль не наставника, профессора, знающего все и обо всем, а, напротив, – роль «конкретного человека», имеющего свои вкусы, «свои болевые точки». Его позиция – позиция «просвещенного обывателя», собеседника, доверяющего читателю свои лингвистические предпочтения, наблюдения, предположения и даже сомнения, объясняющего это тем, что «язык это часть нас всех, и то, что происходит в нем и с ним, задевает нас лично» (стр. 8).

Жанр книги позволяет автору нередко с иронией говорить о своих наблюдениях, опыте общения как со студенческой аудиторией, так и с внешним миром. «Просвещенный обыватель», он нередко испытывает не только чувство смущения, раздражения, но даже языкового шока, когда воспитанные и интеллигентные люди используют как междометие слово «блин»; когда фразы,

Recenze

употребляющиеся в устной речи, не соответствуют статусу участников коммуникации, прежде всего президента; когда «эсклюзивной» может быть и баранина, и машина – с. 11–14; когда «лень и самоуверенность спортивных журналистов становится фактически «ленью языка», который почти утрачивает внутренние механизмы перевода» – с. 68–70; когда размывается граница между сленгом и литературным языком; когда «исчезают культурные запреты на употребление бранных слов», брань становится привычной и ненормативная лексика из табуированной переходит в разряд общеупотребительной – «исчезает таинство запрета, остаются грубость и вульгарность» – с. 158–162 – «Поле брани»).

Но в представляющемся хаосе немыслимых экспериментов с языком он, как профессиональный лингвист, находит «обобщения, связи и тенденции». Ученый не склонен давать рецепты, каким образом можно (и нужно ли?) уберечь и оберегать язык от влияния и проникновения в него иноязычной лексики («Я обычно разрушаю чужие коммуникативные ожидания, поскольку вижу свое профессиональное предназначение в том, чтобы исследовать новые явления и тенденции в языке, а не в том, чтобы давать им этическую оценку и уж тем более запрещать» – с. 150), отказывается поддерживать бытующие в обществе пуристские настроения, не поддерживает катастрофические прогнозы («Может ли язык оставаться неизменным, когда вокруг меняется все общество, психология, техника, политика?» – стр. 9; «Язык, который существует в меняющемся мире и не меняется сам, перестает выполнять свою функцию. Мы не сможем говорить на нем об этом мире просто потому, что у нас не хватит слов» – с. 10; «Креативность» встроена в русскую грамматику», «Опасность гибели русского языка сильно преувеличена. У него есть очень мощные защитные ресурсы. И состоят они не в отторжении, а в их скорейшем освоении» – с. 22).

Автор делится своими наблюдениями за проникновением в язык не только иноязычной лексики, «избыточных заимствований», но и блатного жаргона (откаты, наезд, крыша, фильтруй базар и др. – с. 23, 102). Судьба нескольких жаргонизмов, к сожалению, оказалась «счастливой» – они не ушли в прошлое вместе с постперестроечной эпохой, а перешли в разряд общеупотребительной лексики (отморозок, наезд, достать, беспредел): «Многие люди (не-бандиты) научились разговаривать так как бы шутя и иронизируя, а отучиться никак не могут, тем более что бандитский жаргон успешно мутировал, смешавшись с «новым русским» языком чиновников и бизнесменов, в котором фигурируют такие слова и выражения, как *коммерсы*, *откаты* и *пилить бюджет*». И причина в том, поясняет лингвист, что «жаргон соответствует социальному прогрессу – от периода начального накопления капитала к периоду государственного капитализма и государственной коррупции» (с. 26). Но это вовсе не значит, что подобная лексика заполнит наш словарь:

«Большинство бандитских слов, – уверен автор, – уйдут, как только исчезнет потребность в них и схлынет мода. Остается дожждаться...» (с. 27).

«Остается дожждаться» и того времени, когда схлынет «гламурная волна», принесшая девальвацию смысла некоторых слов (например, прилагательные «элитный» и «эксклюзивный», часто употребляющиеся не только в рекламе: «элитное жилье», «элитные клубы», «элитное белье», «элитные кресла», «элитные холодильники», «элитные вина», «элитные двери», «элитные окна», «эксклюзивные часы», «эксклюзивная баранина», «эксклюзивная женщина», «изделия эксклюзивных и элитных производителей»). Оценочное прилагательное «правильный» (появились «правильные места», «правильная жратва», «правильные девушки», «правильные герои», «правильный режиссер») не изменило своего значения: «просто на смену одной идеологии, политической, приходит другая – идеология потребления, что и определяет его сочетаемость» (с. 34). «Модные прилагательные» «позитивный», «реальный», «актуальный» (позитивными могут быть фильм, спектакль, сценарий и даже шоу, а политика определяется как реальная – название телепередачи) автор не без иронии относит к «ключевым словам эпохи» (с. 36). Он анализирует и свое «эмоциональное» отношение к новому использованию «модных» слов «проект» и «продукт». Показательно название этой части книги – «Невыносимая неопределенность бытия». «Сдвиг в сторону абстракции», существовавший в официальном языке советского времени, наблюдается и сейчас: знакомая нам всем «неинформативность текста», когда произнесено, выслушано многое, а содержания – нет, имеет свою цель: «Обобщение, с одной стороны, скрывает суть дела, с другой стороны, придает делу серьезность и многозначительность. Когда кто-то говорит: «Я участвую в проекте», это может обозначать все что угодно, то есть буквально все или ничего. Точно так же за *выпуском нового продукта* может скрываться нечто значительное, а может – ерунда. Мы оставляем собеседнику возможность самому додумать, конкретизировать сказанное нами, заполнить пустоты, создаваемые чрезмерной абстрактностью, желательно в выгодном для нас ключе... С помощью подобных абстракций мы размываем нашу реальность, наше социальное положение, предпочитая весомую и многозначительную неопределенность или, точнее, недоопределенность. У нас ведь все как бы в порядке. Ну, или пусть по крайней мере собеседник так думает» (с. 38). Этот «неинформативный» язык, к сожалению, стал привычным не только для политиков и бюрократов: о «проектах» нередко говорят и представители культуры (с. 39), а в интернете можно найти множество «проектов» учащихся, и это не вина школьников и учителей, потому что «за каждым из этих слов стоит некая идея, которая вдруг оказывается востребованной и потому часто воспроизводимой» (с. 40).

Recenze

«Некая идея» объясняет и появление новых слов, обозначающих профессиональную принадлежность. Понимаем ли мы, о какой профессии идет речь, когда слышим такие названия, как «эйчар», «экзаунтменеджер», «beauty editor», «мерчандайзер», «медиапланнер», «фандрайзер», «пруфридер»? Понимает только «посвященный», а «непосвященных» употребление таких слов только отпугивает, что, впрочем, и требуется» (с. 46). Ироническая оценка манипуляций со словами, обозначающими названия профессий, отражается в названиях глав книги: «Профессиональная конкуренция», «Риэлторы-шмиэлторы и вопросы языкознания», «Не кочегары мы не плотники», «Задать пиару!», «Недетские игры», «Шароварщики, уберсексуалы, трендсеттеры и другие породы людей». Об «уникальности» «абстрактно-пустоватого слова» «менеджер» и его «самоироничном двойнике», «уродливом аналоге» – *менеджер* речь идет в статьях «Просто я работаю волшебником» (с. 56–59), «Во власти слов» (с. 104). Звучание этого слова особенно завораживающе действует на тех, кого называют «менеджером». Появились не только топ-менеджеры, сейлзменеджеры, акаунтменеджеры, брендменеджеры, эвентменеджеры, менеджеры торгового зала, но даже менеджеры по клинингу: «С помощью расширения употреблений этого слова можно избежать названия непрестижных профессий, например, *продавец* или *уборщица* и сделать их престижными... слово *менеджер* оказалось своего рода волшебной палочкой, с помощью которой тыква превращается в карету, а Золушка – в принцессу, и, конечно, стало чрезвычайно востребованным именно сейчас, в период складывания новых социальных групп. Оно полезно и ядру этой группы, задающему основные параметры корпоративной культуры, и маргиналам, использующим его как пропуск в клуб для избранных» (с. 58).

Подражание, следование тенденции читается не только в названиях новых профессий. Стремление завлечь и развлечь публику отражается, по слову автора, и в использовании «крутых атрибутов или аксессуаров», в частности в «моде на числа», в «абсурдности новой нумерологии»: под влиянием английского языка «число фактически потеряло смысл, стало своего рода красивым и модным украшением в названии» – «галерея А-3», «клуб В2», «коктейль Б-52», выставка «Электронный вуду-2», концерт «Скажи Ой 2», романы, фильмы, сценарии и т.д. «Одиночество-12», «Параграф 78» и др. (с. 83, 87). Хорошо, что здравый смысл позволяет пародировать это явление чисел в «высший свет»: появились юмористические тексты с говорящим названием – «Сбылась мечта-3», «Дедушка возвращается-2» и др. (с. 84).

Говоря о заимствованиях из английского языка, автор поясняет причины добровольного вытеснения слов из родного языка: «Мы сейчас не создаем общественные, профессиональные и культурные отношения, а, скорее, заимствуем их вместе с соответствующими словами, т.е. живем в условиях трансляции чужой культуры» (с. 81). Замечаем ли мы, как в нашем ежедневном

общении проявляется эта «трансляция чужой культуры»? Хотим мы этого или не хотим, но наш речевой этикет (особенно в сфере обращений, приветствия, прощания) претерпел существенные изменения, которые не вызывают столько споров, негодования, сомнений, когда речь идет о заимствованиях отдельных слов. Никто не обсуждает исчезновение отчества из бизнес-этикета, публичного этикета. Пожалуй, только старшее поколение отмечает и воспринимает как некорректное представление только по имени гостя, приглашенного, например, в студию. Трудно не согласиться с заключением автора: «Изменения речевого этикета относятся, пожалуй, к самым неосознаваемым в языке... Речевой этикет, в отличие от слов, практически нигде не фиксируется. И сегодня люди так привыкли к новому этикету, что уверены в том, что он существовал всегда. Те, кто вырос после перестройки, воспринимают его как норму, те же, кто постарше, если и морщатся при таких обращениях, то не всегда понимают почему» (с. 114).

Тема этикета продолжается в главах, посвященных сетикету (точнее – попыткам создать сетикет – с. 71–72), «электронному» этикету («Этикет»), интернет-сленгу, «анти-орфографии», «языку падонков» («Основной инстинкт», «Коллективное остроумие»). К лингвистическим играм автор относится не столько иронически, сколько с пониманием того, что эти явления неизбежны в период раннего развития интернета (с. 133).

Комментируя и объясняя эксперименты с языком, автор иногда видит в этом определенную логику и далек от призывов «запретить» и «наказать», тем более что «наказанием за неудачный бренд, в частности за смешение «французского с нижегородским», становится экономический провал, невнимание или насмешка потребителя» (с. 136), «завлечь клиента с помощью лингвистических ухищрений можно, а удержать – нет» (с. 139).

Вместе с тем М. Кронгауз совсем не склонен снисходительно относиться к официальным попыткам «регулировать» язык, «удалять «нехорошие» слова и заменять их на «хорошие», «неправильные» – на «правильные», изобретать «благонадежные слова» и централизованно вытеснять «неблагонадежные» (с. 195–214). «Мне очень не хочется, – замечает автор, – чтобы по поводу языка издавались какие-то законы и постановления, принимались судебные решения, и меня и мой родной язык таким образом регулировали бы или, что еще хуже, мой язык от меня таким образом защищали. Как и любой носитель языка, я имею полное право считать себя его хозяином, хотя не единственным, конечно» (с. 214). И это право, ощущение «неединичности» объединяет «конкретных нас» и объясняет наш «неугасающий, временами яростный интерес к родному языку». Это суждение подтверждают отклики на книгу М. Кронгауза: среди них есть как положительно-восторженные, так и эмоционально-отрицательные, нет только равнодушных.

Recenze

Книга М. Кронгауза, отражающая и объясняющая «языковой вкус» девяностых годов и первого десятилетия XXI века, несомненно, представляет интерес для филологов, для тех, кого занимают вопросы лингвистики, для тех, кто продолжает традицию изучения и преподавания русского языка.

Галина Косых

NOVÉ PODNĚTY V RUSISTICE A SLAVISTICE A TAKÉ NOVÉ OTÁZKY

Poznańskie studia slawistyczne 2012, Nr. 3, ISSN 2084-3011.

Slavica Nitriensia 2012, 1, 2, ISSN 1338-7464.

Pechal Zdeněk: *Fenomén živlu v ruské literatuře.* Univerzita Palackého, Olomouc 2011. ISBN 978-80-244-2711-9.

Dohnal Josef: *Proměny modelu světa v ruské próze na přelomu XIX. a XX. století.* Masarykova univerzita, Brno 2012. ISBN 978-80-210-5943-6. ISN 1211-3034.

Pešková Michaela: *Idea „nového člověka“ v ruské literatuře 20. a 30. let 20. století.* Vydavatelství Západočeské univerzity, Plzeň 2012. ISBN 978-80-261-0134-5.

V posledních dvou letech se v naší rusistice a slavistice objevila řada zajímavých, zejména literárněvědných prací a periodik: všechny ukazují, že v slavistice vítězí a snad i zvítězila linie areálově sociálněvědní, kterou jsme v českém a středoevropském prostoru tak těžce probíjovali a vyvzdorovali od 90. let 20. století proti odporu tradicionalistů, kteří se posléze stali jejími největšími zastánci: tak to bývá nejen v slavistice. Tento vývoj také ukazuje na svou vlastní nepřirozenost a vede k ostrážitosti: ti, kteří byli proti rozšiřování půdorysu slavistiky a nyní plédují takřka za opuštění její filologické báze, mají tendenci vést i mladší generace k negaci tradic podle úsloví, že poturčenec horší Turka. Nyní tedy přichází doba, kdy je třeba neustále poukazovat na hranice tohoto „otvírání“ filologie a zdůrazňovat hlavní motivaci někdejšího brněnského úsilí o areálová